

что важно» – таков один из ответов, полученных на вопрос о том, какое конкретно жилье респондент считает престижным. Наиболее престижные районы города, в представлении местной молодежи, – Волжский и Кировский районы. Как самые престижные были особо выделены следующие территории: район, обозначенный Набережной космонавтов, ул. Московской, Лермонтова и Волжской, район ул. Чернышевского от пересечения с ул. Радищева вплоть до въезда в Заводской район, район городского парка им. М. Горького (в Волжском районе); район Проспекта Кирова, парка «Липки», а также территория, очерченная ул. Рахова, Радищева, Зарубина и Вавилова, район Соколовой горы, пос. Юбилейный (в Кировском районе). Наблюдается явная тенденция к определению центральной части города как наиболее престижного района проживания.

Средние тенденции показывают, что, в представлении саратовской молодежи, престижным считается район, расположенный близко к центру города, отличающийся высокой концентрацией различных мест развлечения, наличием театров, музеев, а также обилием зеленых насаждений, близостью парков, лесопосадок, реки и чистотой. Кроме того, престижному району присущи такие качества, как удаленность от промышленных объектов и преобладание новых многоэтажных домов в застройке. Причем такое представление о престижном районе характерно для молодежи в целом, независимо от пола и возраста, образования и других статусных характеристик.

Говоря о престижности жилья, отметим, что престижной, в представлении изучаемой социальной группы, независимо от пола и возраста,

образования и других статусных характеристик, считается многоуровневая квартира или частный коттедж. Особую важность среди перечисленных качества имеют криминогенная обстановка, экологическая ситуация, развитость системы общественного транспорта, качество квартир в районе. На втором месте по важности находятся: развитая инфраструктура в районе, близость парков, лесопосадок, расстояние до центра, расстояние до места работы/учебы.

Примечания

- 1 См.: Блауг М., Ростой У. // Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб. : Экономикс, 2009. С. 248–251.
- 2 См.: Самуэльсон П. Экономика : в 2 т. М. : НПО «Алгон», 1992.
- 3 Социология социальной сферы : учеб. пособие для вузов / ред. М. М. Акулич, В. Н. Кузнецов. М. : Гардарики, 2007. С. 14.
- 4 См.: Перевозкина Ю. Е. Инновационное развитие социальной инфраструктуры современного города // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 10. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/26733> (дата обращения: 09.12.2014).
- 5 См.: Мазаев А. И. Концепция «производственного искусства» 20-х годов. М. : Наука, 1975. С. 49.
- 6 См.: Федулов С. П. Социальная инфраструктура современного российского города // Социс. 2000. № 4. С. 123.
- 7 См.: Тощенко Ж. Т. Социальная инфраструктура : сущность и пути развития. М. : Мысль, 1980.
- 8 См.: Федулов С. П. Указ. соч. С. 124.

УДК 316.334.55

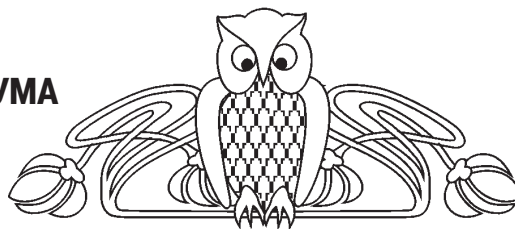
РЕСУРСЫ СТОЙКОСТИ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ

П. П. Великий

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: iagpran@mail.ru

В статье обосновывается специфика преодоления сельскими жителями жизненных трудностей в периоды резкого обострения их в обществе (кризисах). Показана роль традиционализма и архаики в реализации способов получения ресурсов выживания, а также новых практик, освоенных мобильными группами сельского населения в пореформенный период жизни села. Дано обоснование факторов возникновения эффекта культурной травмы, полученной сельскими жителями на этапе разрушения модели колхозного уклада, и защитных механизмов против ее повторения в ситуации современного кризиса.

Ключевые слова: экономический обмен, семейное хозяйство, сельскохозяйственное предприятие, сельские жители, стойкость, способы выживания, информационная компетентность.

Stableness Resources of the Rural Socium in Crisis Situations

P. P. Velikiy

In the article the specifics of life difficulties overcoming by rural population in the period of their sharp aggravation in the society (crises) is grounded. The role of traditionalism and archaic character in realization of ways of getting the resources of surviving, and also new practices mastered by mobile groups of the rural population in the reforms period of rural life is shown. The grounding of the factors of arising the effect of cultural shock received by rural population in the stage of the modal of collective farm tenor and protective mechanisms against its repetition in the situation of modern crisis is given.

Key words: economic exchange, household, rural enterprise, rural population, stableness, ways of surviving, information competence.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-10-15

Кризис как социальное явление, вызванное совокупностью внешних и внутренних причин, проявляется в сбоях функционирования финансовой системы, сферы производства, обеспечения продуктовыми ресурсами рынка, ростом дороговизны разного рода благ и ценностей для жителей. Стойкость (жизнестойкость) можно определить как способность индивидов, семей, сообществ сохранять и поддерживать сложившийся образ жизни по основным характеристикам, несмотря на сужение некоторых его полей. В стойкости реализуется феномен субъектов живой материи – желание жить, несмотря ни на какие ограничения в пище, тепле, защищенности от внешней опасности. Это демонстрируют все виды живых существ и, естественно, homo-sapiens, у которого к тому же в стойкость вкладывается неотъемлемый атрибут – преобладание высоких духовных состояний над биологическими. Поэтому во всех цивилизованных обществах жестко осуждаются факты лишения детей еды (последнего куска хлеба) в экстремальных ситуациях, оставление слабого без помощи, каннибализм.

Российский сельский социум на своем историческом пути постоянно испытывался на стойкость. Вызовы природного характера, войны, болезни, бедность сопровождали крестьянскую семью в досоветское время. Не меньше их выпало на ее долю в ранне-, средне- и позднесоветский периоды. За последние почти четверть века, с начала 90-х гг. XX в., стойкость к переменам в пространстве жизненной среды потребовалась от всех категорий жителей села. Власти более 70 лет дисциплинировали крестьянство, чтобы приучить его жить в «тепле родного коллектива», и оно с определенными коррективами стало идентифицировать себя с колхозными устоями, которые, казалось, не исчезнут никогда, но реалии перестройки оказались другими.

П. Штомпка определил резкий разрыв между старым и новым укладами жизни как культурную травму, обратив внимание на последовательность самопреобразований, включая широкий исторический контекст, на протяжении большого отрезка времени¹.

На протяжении всей истории крестьянства государство было заинтересовано в том, чтобы получать из его состава человеческие ресурсы, из деревни – материальные блага. Соответственно, требовалась поддержка сельского населения, опираясь на его внутренний потенциал, о чем писал еще и М. В. Ломоносов².

Контекст стратегий поддержки стойкости человека в условиях обострения вызовов, влияющих на материальную и социокультурную составляющие его жизни, может реализоваться в рамках либо прямой помощи (например, введение продуктовых карточек, мера, которой не стыдятся власти самых развитых стран Запада), либо совершенствования процесса социального взаимодействия людей в общностях, коллективах, терри-

ториях по обмену ресурсами. Эти подходы могут быть объединены, осуществляться совместно. И если первый представляет собой одностороннюю раздачу узкого набора благ, то второй включает такие взаимосвязи обмена, которые предполагают формирование взаимности и рациональности поведения контактирующих между собой акторов. При этом с учетом неравновесности обмениваемых ресурсов складываются структуры, обладающие эмерджентными свойствами, которые оформляются во властные отношения, легитимизацию социального порядка.

Рассмотрим подробнее перспективы использования теорий обмена в контексте осмысления стойкости сельских жителей к вызовам кризиса. Согласно Дж. Хомансу и П. Блау, создателям теории социального обмена, общий контекст макро- и микроструктур основывается на тесной взаимосвязи этих уровней анализа. Оба они дают свой багаж знаний для выявления такого проявления социальных отношений, как зависимость одного актора от других через доступность ресурсов, которая определяется многими факторами как на микро-, так и на макроуровне³.

Ценным методологическим положением является выход Блау и Хоманса за пределы принципов бихевиористских подходов, которые односторонне оценивают механизмы взаимосвязи акторов через механизм «стимул – действие». Хотя в обменных отношениях можно обнаружить сходство с данным механизмом, так как получение или неполучение неких благ одного индивида от другого корректирует действия нуждающейся и потому заинтересованной стороны, которая находится в зависимости от того, кто может (хочет или не хочет) их предоставить, однако это внешнее сходство, поскольку нуждающаяся сторона входит в контакт с обладателем благ лишь при отсутствии альтернатив. Она остается достаточно свободной от действия механизма «стимул – действие». Кроме того, и обладатель благ находится в некоей зависимости от нуждающихся акторов, так как имеет интерес в получении определенной, как экономической, так и социальной, политической, моральной, выгоды от взаимодействия⁴. В этой ситуации интересы того, кто хотел бы получить некие блага, и того, кто их предоставляет, как правило, не совпадают между собой. Вознаграждение их как участников данного обмена может иметь опосредованный характер, откладываться во времени или вообще не состояться.

Важно различать специфику обмена социального, который отличается от экономического, хотя и последний включает черты первого. Понятие социального обмена относится, согласно Хомансу и Блау, к добровольным действиям, которые не жестко обусловлены ответными действиями акторов, получивших блага. Если ответных действий не происходит, контакты прекращаются или прерываются до наступления новой

ситуации и новой потребности контрагентов в обмене.

В экономическом обмене обязательства сторон реализуются четко: блага переходят из рук в руки на основе институционализации гражданских отношений. Однако неадекватность ответных действий присутствует и здесь. Среди пяти сил (или угроз) Майкла Портера, одного из теоретиков стратегического управления, названы рыночная власть поставщиков и рыночная власть покупателей⁵. Если к поставщикам, в чем-то изменивших свою позицию, фирма может попытаться применить санкции, опираясь на правовые нормы, то покупателя трудно заставить приобретать товар (исключая ситуации монополизма).

В сельской реальности также можно наблюдать немало проявлений неадекватности действий акторов предлагаемым им разного рода экономическим проектам.

В социологических публикациях отмечался факт отсутствия желания местного сельского сообщества отплатить агрохолдингу ожидаемой от них трудовой активностью. Например, в ответ на блага, осуществленные агрохолдингом, – распашку заросших кустарником пашен, постройку предприятия по переработке сырья (т. е. создание рабочих мест), местные жители обратились в прокуратуру с жалобой на то, что нарушены условия сбора дикоросов и ведения пчеловодства⁶. Такую позицию можно объяснить ничем иным, как представлениями местного сообщества о надежных и ненадежных резервах, позволяющих выжить, т. е. о стойкости, исходя из проверенных опытом реалий пореформенной жизни, приучивших семьи надеяться только на самих себя, поскольку иные формы организации совместного труда после ликвидации колхозов здесь не прижились. Внешний инвестор случайно пришел в среду обитания сельского сообщества и может уйти в любой момент, не считаясь с потребностями местных жителей.

Следует обратить внимание и на феномен баланса обмена. Актор, предоставляющий необходимое другим, делает их зависимыми от себя, они попадают в ситуацию добровольного подчинения, и это распространяется на большинство областей жизнедеятельности – от бытовой до политической.

Рассмотрим далее, какой характер имел обмен в сельских сообществах с позиции разной временной удаленности от сегодняшнего дня. В условиях общности, находящейся в традиционной общине, обмен опосредовался установлениями, созданными исторически сложившимися обычаями с ориентацией на свои нужды и на обязательства перед государством и помещиком. Их направленность: от общины – к семье, отдельному человеку. Кроме того, существовал обмен между соседями, родственниками, друзьями, который строго учитывал все правила дарения и отдаривания, т. е. отличался точным ба-

лансом (хотя отдаривание могло откладываться, а немедленный возврат дара, будь то гостевание или подарки, не вызывало одобрения).

В колхозную бытность, как и в настоящее время, хотя и сохранилось многое из данного традиционного обмена, но появилось много нового. Именно в колхозные десятилетия в жизни крестьянства укоренилось представление (хотя и не сразу), что из колхоза правомерно брать больше, чем отдавать от себя на общее благо, предпосылкой чему, особенно в сталинское время, явилось почти полное изъятие всей продукции, созданной трудом крестьян, в пользу государства. После ослабления рычагов дисциплинирования этот подход со стороны колхозников прочно вошел в их культуру, что некоторыми учеными было артикулировано как превращение колхоза в филиал семейного хозяйства. Хотя это утверждение и является явным преувеличением, так как государственные органы правопорядка, да и руководители хозяйств наказывали за неправомерное перемещение колхозных благ в ЛПХ. Однако существовали вполне легитимные практики: либо на основе контракта («выписать», т. е. получить продукт с последующим вычетом его стоимости из зарплаты), либо купить по льготной цене. Личные отношения, безусловно, активно вторгались в экономический обмен. Они строились на кровно-родственных обязательствах (руководитель по традиции отдавал предпочтение родственникам), на распределении индивидов по социальной значимости в соответствии с различиями их позиций и статусов.

Последнее рубежное состояние стойкости сельских сообществ связано с аграрной реформой, начатой в начале 1990-х гг. После жестких (в сталинское время), затем мягких форм дисциплинирования (брежневский период) к выполнению строго заданного каждому трудоспособному объему работы, по модели аграрной реформы 90-х гг. XX в. вопрос занятости перешел на уровень личного выбора «не хочешь работать – не работай». Этим воспользовались немногие, кто и раньше паразитировал в колхозных реалиях. Подавляющей массе семей нужно было искать источники выживания. Тогда же зародились повсеместно модели стойкости в условиях обрушения опривыченных связей и отношений. Хотя государство декларировало несколько новых форм хозяйственных укладов, но доступ к ним оказался ограниченным по несоответствию ресурсов семей условиям вхождения в новую экономику. Этот фактор оценен некоторыми аналитиками как «нежелание работать». Среди тех, кто не вошел в хозяйственные уклады, сформировавшиеся в местах жизни, доля таких «пассивных» индивидов с 2000 по 2008 г. составляла от 26,5 до 33,4%. Эти люди сосредоточились на проверенном опыте поколений таком поле выживания, как семейное хозяйство, не переходя в официальные фермеры. В чем причина? По данным мони-

торинга 2009 г., оказалось: нет достаточного капитала, а льготный кредит не получить – 40,7%; боюсь рисковать, можно «прогореть» – 30,9%; «годы уже не те, а помощников в семье нет» – 14,6%⁷. Суммарно 86,2% опрошенных жителей, потенциальных фермеров вовсе не от лени, а от точной оценки рисков не пожелали связывать себя с фермерством. Ведь за годы, предшествующие данному опросу, разорилась не одна тысяча фермеров, и это укрепляло сознание, что с позиции сохранения устойчивого положения семьи фермерство ненадежно. Низкий уровень распространения фермерства на сегодняшний день (на одно сельское поселение и только крупное или среднее приходится по 2–3 фермерских хозяйства) можно интерпретировать как факт недоступности данного уклада для узкого круга лиц, разными способами получивших ресурсы для вхождения в него на ранних этапах аграрной реформы⁸. Поэтому сельские жители и в обозримой перспективе кризиса сохраняют ориентацию на традиционную крестьянскую модель «опоры на собственные ресурсы», использование доступных, не слишком отягощенных рисками, мест приложения своего человеческого капитала, чаще всего – физического, реже – интеллектуально-образовательного. Крупные хозяйства новых укладов не обеспечивают персонал стабильной зарплатой («Зимой работы почти нет, дай бог тысячу рублей поднимут» (старейший механизатор, отмеченный в 2015 г. орденом Почета)). Отсюда расширение ЛПХ семьями, в которых имеются трудоспособные члены, распространение неаграрного отходничества и таких редких видов индивидуализированной деятельности, как пчеловодство, народные промыслы и ремесла.

Квалифицированные механизаторы широкого профиля нашли источники выживания через вахтовую занятость в энергодобывающих организациях Севера, на предприятиях областных городов, неквалифицированные – в качестве охранников, работников коммунального хозяйства. Стойкость, присущая человеку, живущему с детства в некомфортных условиях села, помогает этой категории селян преодолевать трудности маятниковой миграции, вынужденный отрыв от семьи на длительное время, неустроенный быт. Однако снижение доли людей молодых возрастов в составе сельского населения постепенно приведет к ослаблению практики неаграрного неотоходничества. Сельская молодежь, обучающаяся в вузах и колледжах, независимо от полученной специальности, сосредоточивается в основном в сфере торговли областных городов и, как многие категории селян, вынуждена кочевать между родным селом и городом, стойко перенося трудности мобильности. Все эти практики выживания стали устойчивыми формами проявления стойкости групп, находящихся в активном трудовом возрасте.

Индивиды предпенсионного возраста и люди, не склонные «в поте лица добывать хлеб», выживают за счет пенсий родственников, небольшого участка обрабатываемой земли в семейном хозяйстве. Их стойкость реализуется в ограничении потребления продуктов питания, переходе на печное отопление (поскольку за хроническую неуплату их дома отключаются от снабжения газом).

Завершая описание картины сельской реальности, отметим, что все отмеченные черты ее, сочетая традиционные и новые характеристики, имеют длящийся характер. Это означает, что коридор возможностей для некоего прорыва из «травоядного состояния», по образному выражению Ф. Энгельса, который был предопределен всем строем тех социально-экономических отношений и институализацией аграрной сферы, в котором она находится и в настоящее время, остается узким. Если в среднестатистической области Поволжья усилиями властей всех уровней создается около 1000 рабочих мест в год (т. е. по 30 рабочих мест на муниципальный район), то это свидетельство статичности ситуации. Конечно, и в такой ситуации изменения происходят, но только небольшая их часть имеет восходящую, инновационную направленность. Сельский социум страны стареет, смертность превышает рождаемость.

Именно в данном состоянии сельский социум вступает в очередной кризис, который ощутимо переживает страна с 2015 г. Помимо утешительных прогнозов, в печати приводятся доводы о длительности наступающего смутного времени.

Так, ученый из ИМЭМО РАН Я. Миркин считает, что вытеснение России с европейского рынка энергоносителей – вопрос 3–5 лет. Переключение на страны Востока потребует времени. Другие исследователи уточняют ситуацию: даже если санкции против России будут отменены, то западные партнеры, взаимодействовавшие с отечественными предприятиями, к нам не скоро вернуться, так как войдут в другие ассоциации и деловые контакты. Поиск новых партнеров – непростая задача, т. е. жизнь городского и сельского населения в условиях длительного кризиса осложнится.

Наступающие трудности отразились уже и в общественном сознании. Интернет-опрос 1704 респондентов показал, что 33% их измеряет длительность кризиса несколькими годами, а 39% ответили: «Боюсь, кризис не закончится никогда».

В связи с возможностью затяжного кризиса и появлением новых сложностей в функционировании сельских сообществ и АПК и с учетом тех перемен, которые произошли в жизненном пространстве села, можно сформулировать несколько допущений относительной стойкости сельского населения.

1. Несмотря на ожидаемое появление новых тягот жизнеобеспечения (рост цен на продукты питания, удорожание коммунальных расходов и др.), это не станет большим шоком, чем переворот жизненных устоев, осуществленный в первые годы аграрной реформы.

2. Консервация тех способов выживания, которые традиционно присущи крестьянству, и опыта, полученного в годы пореформенного существования сельского населения, явится моделью стойкости и в очередных кризисных условиях. Сущностными элементами модели являются: закрепление представлений о полном отсутствии перспектив восходящей мобильности в сельском жизненном пространстве и снижение доступности лифтов мобильности за его пределами. Приспособительные схемы сельской семьи будут ориентированы на минимизацию неопределенности в минипространстве, усилятся недоверие к инновационным предложениям, предполагающим ситуации риска.

3. Неизбежны некоторое снижение мобильности, обусловленное увеличением расходов на бытовые услуги в местах обитания, консервация доходов на фоне роста цен. Эти же причины вызывают необходимость перераспределения нагрузок и социальной ответственности внутри семей и в целом в сельских сообществах. Пенсионеры, ныне живущие по модели «нуждающейся старости», будут отдавать еще большую долю своих пенсий на общие затраты членов семей и родственников. Увеличение удельного веса групп обездоленных поставит под вопрос институты «солидарности сострадания». Хотя чувство сострадания, являясь сущностной чертой жителей устойчивых сообществ, так или иначе будет проявляться, но при этом усилятся тенденции патернализма, ожидания от властных структур льготного обеспечения продуктами питания.

4. В образе жизни натуралистическая составляющая усилится, поскольку необходимость заботы о хлебе насущном оставит меньше места освоению ценностей духовных. Интеллектуальная атмосфера сельских сообществ будет находиться между двумя полюсами. Информационная компетентность семей не ослабеет и даже усилится через расширение сети электронных средств связи в домашней сфере⁹, но это извне направленная информация, не вызывающая обратной связи с ее создателями. На другом полюсе – живом общении с интеллектуалами сельской среды – никаких сдвигов не может произойти из-за автономности групп и индивидов, находящихся в составе производственных организаций и вне их.

5. Стойкость выпускников вузов и колледжей, как и до настоящего времени, проявится в том, чтобы не отвечать адекватным поведением на меры стимулирования государства по укреплению их в сельской среде. Хотя относительность лишений (относительная депривация) уси-

лится в связи с кризисом и в городе, но в селе она будет еще ощутимее. Одного миллиона рублей выпускнику медицинского вуза может быть и достаточно, чтобы построить жилье, но нужно принять и остальные атрибуты сельского образа жизни, например, завести скот и птицу на подворье, так как зарплата врачей, как и технологов сельского хозяйства, мала. Других источников, чтобы жить относительно благополучно, кроме ЛПХ, на селе нет, но молодые специалисты за годы учебы и жизни в городе опривычили другие стереотипы. Кроме того, данный образ жизни в целом больше подходит человеку физического труда, чем специалисту высшей квалификации.

Неизбежна также консервация устоявшихся отношений с официальными структурами: государственной и муниципальной властью, партиями, профсоюзами, НКО. К ним сельские жители крайне редко обращаются, поскольку, по словам респондентов, это бесполезная трата времени. Провальную оценку имеют местные органы власти, профсоюзные органы (согласие с тем, что они способны помочь, выразили лишь 8% опрошенных). Из поля рационального восприятия вычеркнуты политические партии – только 2,1% выразили мнение, что к ним можно обратиться за помощью¹⁰. Ответы респондентов еще раз подтверждают мысль, что в обозримой перспективе сельским сообществам не удастся преодолеть отчуждение от структур, институционально ответственных за развитие села, так как утрачены коллективные механизмы, неформальные и формальные, посредством которых ясно формулируется общее понимание ситуации и индивиды мобилизуются и вовлекаются в коллективные действия и процессы¹¹.

Заключая, нельзя не обратить внимания на то, что понятийно-терминологический комплекс: консервация, неизменность, устойчивость, присутствующий в тексте статьи при описании длящихся состояний сельского социума (которые с небольшой корректировкой перенесены нами и на условия кризиса), включает и созидательный смысл, как бы парадоксально это ни выглядело. Дело в том, что такие проявления традиционной культуры крестьянства, как самопомощь и самоадаптация, являются более надежными ресурсами с позиции будущего, чем сильная зависимость от внешних структур. Кроме того, при изменении ситуации многие из законсервированных элементов ресурсного потенциала способны включиться в реализацию и масштабных социальных целей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-03-00033).

Примечания

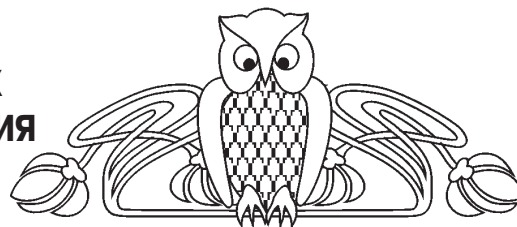
¹ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 286–287.

- ² См.: Ломоносов М. В. О сохранении и размножении русского народа. М.: Парад, 2011.
- ³ См.: *Homans G.* The Human Group. N.Y., 1950. P. XVIII.
- ⁴ См.: *Blau P.* Exchange and Power in Social Life. N.Y.: Wiley, 1986.
- ⁵ См.: *Портер М.* Воздействие конкуренции на стратегию фирмы // Минцберг Г., Куини Дж. Б., Гошал С. Стратегический процесс: концепции, проблемы и решения. СПб.: Питер, 2001. С. 88.
- ⁶ См.: *Великий П. П.* Российское село: процессы постсоветской трансформации. Саратов: Научная книга, 2012. С. 63.
- ⁷ См.: Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2009 г. (одиннадцатый выпуск). М., 2010. С. 72.
- ⁸ В Татарстане, где с 2012 г. реализуется при масштабной государственной помощи проект реанимации фермерства в форме семейных животноводческих ферм, не только широко оповещается население о доступности этого уклада, но договор с каждым получившим грант на открытие такой формы подписывает лично министр сельского хозяйства и продовольствия. К настоящему времени в Республике Татарстан фактически за три года создано и функционирует около 500 таких ферм.
- ⁹ См.: *Мореханова М. Ю.* Социальные аспекты распространения информационно-коммуникационных технологий в сельской местности // XVII Никоновские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: ВИАПИ им. А. А. Никонова; Энциклопедия российских деревень, 2012. С. 173–175.
- ¹⁰ См.: *Тощенко Ж. Т.* Экономическое сознание и поведение: четверть века спустя (конец 1980 – начало 2010 г.) // Социс. 2014. № 7. С. 61.
- ¹¹ *McAdam D., McCarthy J. D., Mayer N. Z.* Introduction Comparative Perspectives on Social Movements Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. P. 3, 5.

УДК 323.2; 304.4

СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ОБОСТРЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

А. П. Плешаков

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: plaleks55@mail.ru

В статье рассматриваются процесс и специфика становления социального государства в Российской Федерации. Особое внимание уделяется анализу реализации социальных гарантий государства в условиях экономического кризиса и обострения геополитической ситуации.

Ключевые слова: социальное государство, правовое государство, гражданское общество, социальная политика, экономический кризис, геополитика.

Social Obligations of the Russian State in the Economic Crisis and Worsening Geopolitical Situation

A. P. Pleshakov

The article discusses the process and specificity of formation of the social state in the Russian Federation. Particular attention is paid to the analysis of the implementation of social guarantees of the state in the economic crisis and worsening geopolitical situation.

Key words: social state, legal state, civil society, social policy, economic crisis, geopolitics.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-15-18

В 1993 г. Российская Федерация на конституционном уровне провозгласила себя правовым и социальным государством, рассчитывая тем самым на мобилизацию социокультурного потенциала и активизацию человеческого фактора.

Хотя тогда было очевидным, что Российское государство еще не может взять на себя широкие социальные обязательства.

Уместно напомнить о различии условий формирования социального государства в ныне индустриально развитых странах Запада, с одной стороны, и тех условий, в которых начиналось становление социальной государственности в постсоветской России, – с другой.

Во-первых, вопрос о социальном государстве в странах Запада возник тогда, когда там была создана мощная экономическая база, которая позволяла, не ущемляя значительно интересы собственников, осуществлять перераспределение доходов. В России становление социальной государственности началось в экстремальных условиях резкого падения производства.

Во-вторых, вопрос о социальных функциях государства на Западе возникает, как известно, в условиях, когда на смену периоду агрессивного «первоначального накопления капитала» приходит рынок, действующий, в конечном счете, в рамках правового поля. В России же становление социальной государственности происходит в обстановке, когда страна еще не обрела опоры в праве, в реальных правах человека, в условиях правовой нестабильности и разрегулированности, а нередко – правового нигилизма.

В-третьих, процесс становления социальной государственности в западном мире осу-